

Олег ГУБАРЬ

КТО ИЗОБРЕЛ ПАПИРОСЫ «SALVE» И «КАЗБЕК»?

Прежде чем ответить на поставленный вопрос, обратимся к истории производства, торговли и потребления табачных изделий в старой Одессе. Сразу же заметим, что наш город с давних пор служил важнейшим пунктом транзитной торговли табаком, табачными изделиями и курительными принадлежностями. Так, на рубеже 1820-1830-х ежегодный привоз составлял порядка 13 тысяч пудов, а вывоз — около 10 тысяч. То есть три тысячи пудов табака потреблялось в самой Одессе. Если учесть тот факт, что в 1833 году численность горожан достигла только 50 тысяч, то на одну живую душу приходилось 720 граммов. Однако 23800 из общего числа жителей — это женщины, которые тогда в большинстве своем практически не курили. Если приплюсовать к этому детей и даже предположить, что абсолютно все взрослое мужское население — курильщики, то на душу получится, по крайней мере, по полтора килограмма.

Основными поставщиками были Египет, Турция и Греция. Австрия, Англия, Италия, Испания доставляли преимущественно дорогие сигары и нюхательный табак. Немного привозили из Америки, и считанные пуды — по особым заказам из Голландии. Табак приходил как листовый, так и крошенный, часть его перерабатывалась прямо на месте. Так, в 1829 году из Одессы было вывезено два пуда и 17 фунтов нюхательного табака, выделанного на фабрике француза Жана Рубо, широко известного также как виноторговец и книгопродавец. Остальные предприятия по переработке табака были столь незначительными, что даже не вполне считались фабричными производствами. В 1846-м экспорт табака превысил 16 тысяч пудов, в 1847-м достиг 20-ти, в 1849-м — 23-х, а в 1850-м — более 29,5. В городе стали появляться более-менее полноценные перерабатывающие заводы, владельцами которых были преимущественно греки и караимы. В 1850-м, например, открылась табачная фабрика Соломона Мангуби, однако Иосиф Мангуби, как и другие авторитеты, Гереско и Ламба, занимались табачной торговлей еще в 1830-е годы.

Цены на табак несколько поднялись после указа 1838 года, согласно которому он облагался акцизом, тогда как прежде взималась лишь обычная таможенная пошлина. Новый виток роста цен обусловлен увеличением и самого таможенного тарифа. Тем не менее, среднестатистическое потребление табачных изделий в Одессе к середине XIX века, по самым скромным подсчетам, составляло не менее 25 фунтов. Привоз американского табака стал по-прежнему возрастать, а сама привозная торговля означенным продуктом достигла 400 тысяч рублей серебром. После ввода акциза, разумеется, начались масштабные злоупотребления в сфере торговли контрабандным товаром без "табачных бандеролей" (по существу — акцизных марок). Акционной конторой выдавались даже специальные шнуrowанные книги "на записку прихода-расхода табаку", которые, впрочем, мало помогали контролю.

Вслед за Мангуби свою известную долгие годы фабрику в Красном переулке открыл купец первой гильдии Крiona Папа Никола. Продолжало функционировать производство Рубо (с компаньоном Итанеком). Еще до Крымской войны в городе числилось 11 табачных фабрик. В середине 1850-х и немного позднее табачные изделия и принадлежности реализовывались в магазинах и лавках довольно известных в истории Одессы лиц: Петрокино, Краузе, Богосова, Лемме, Гереско, Ламба, Макка, Погонато, Страца, братьев Стифель, Гинанда, Гурфинкеля, Еригова, Жубура, Азгуриды и др. В первой половине 1850-х здесь уже можно было приобрести семена американского

табаку, культивировавшегося в нашем регионе. В начале 1860-х в доме купца Федора Портнова продаются "папиросы из табаку его одесской плантации". В окрестностях города находилась и табачная плантация местного жителя Фолетти. В 1860-м открылась самая, пожалуй, знаменитая в Одессе табачная фабрика А.М. Попова, речь о которой впереди.

На известные события военной кампании табачные фабриканты откликнулись папиросами "Щеголев" и "Синоп". В 1860-м одесский ученый-энциклопедист Иван Палимпестов выпустил брошюру о возделывании табаку, продававшуюся в крупнейшем книжном магазине Г.И. Белого на Дерибасовской за 1 рубль с пересылкой. Главным местом торговли табаком, табачными изделиями и принадлежностями издавна была Черепениковская площадь Старого базара, названная так по нехлопо сохранившемуся до сей поры "дому с колоннами" купца Черепеникова. Сюда, на "толчок", приходили и обычные курильщики — за дешевой "крошкой", и заядлые знатоки лучших сортов турецкого табаку, и коллекционеры экзотических глиняных, пенковых и прочих трубок и кальянов, инкрустированных портсигаров: их поначалу именовали "порт-папирос".

На рубеже 1860-х в городе работали специалисты по изготовлению сигар, которых так и называли "сигарочниками" — Гальперин и Дриз. Летом 1861-го цены упорядочили в соответствии с тарифом бандеролей по табачному акцизу: 1-й сорт — 92 копейки серебром фунт, а 5-й — 10 коп. Папиросы и сигары в пачках по 25 штук реализовывались соответственно по 59 и 7,5 копеек серебром. Самым престижным и дорогим считался македонский табак "Дюбек", цена за фунт которого варьировала от 72 коп. до 2 руб. 40 коп., но отборнейшего — до 3 руб. 50 коп. Несколько дешевле обходился македонский же сорт "Бахча" — 1.20-1.80, какой-то до Крымской войны продавался от 0.60 до 1.20. Сигары из американского табака местного производства стоили довольно дешево: 1 руб. 75 коп. — 3 руб. 50 коп. за сотню, иногда — до 6 руб. Настоящая "Гавана" реализовывалась по цене от 8 до 30 руб. за сотню. Сигары долго не продавались поштучно, а лишь от пяти или десяти штук.

Чувствую, читатель уже изрядно обалдел от статистики. А потому — несколько живых историко-бытовых деталей. Помните, у Пушкина: "за трубкой раскаленной" "с восточной гущей кофе пью". Ну, во-первых, в отличие от обеих столиц, да и других российских городов, в Одессе дозволялось курить на улице. Объясняется это не столько уровнем демократизации, сколько пожарной безопасностью: не было тут ни деревянных домов, ни мостовых. В те годы можно было курить и во всех трактирных заведениях. Исключение составлял лишь Городской театр, и театральная дирекция уведомляла посетителей, что буде кто вздумает "курить сигарки", тот "навзлет себе неприятности". В 1829 году здесь даже была издана книга "Искусство курить и нюхать табак", написанная "двумя свежими турками". Во время земляных работ в историческом центре я не раз находил как настоящие керамические трубки стамбульской работы, с клеймами, так и грубые местные подражания. Однажды студенты-историки, участвовавшие в археологических исследованиях под руководством профессора А.О. Добролюбова, обнаружили на отрогах Приморского бульвара большой фрагмент кальяна еще времен турецкого Хаджибея.

Мелкие табачные лавки в центре города нередко использовались далеко не по назначению. Торговое помещение служило, что называется, вывеской, ширмой, а настоящие занятия — складирование и перепродажа краденого, контрабанды, разного рода непотребные свидания

и "стачки мазуры" — шли в задней комнате. Другим негативным, прямо скажем, криминальным моментом было масштабное фальсифицирование табачных изделий. В третьей четверти позапрошлого столетия высочайшим авторитетом в области дегустации табаку значится стамбульский негодник Ахмет-эфенди. Только к нему обращались самые авторитетные одесские табачные фабриканты и торговцы — Гереско, Ламба, Крiona Папа Никола. Он-то и помогал им отбирать табак, неплохие папиросы из которого продавались от 46 копеек до 2 рублей за сотню. В магазине Афанасия Гереско, сказывают, служил выписанный откуда-то с Востока вышколенный старичок-консультант, тоже отменный дегустатор, угождавший избранной клиентуре своего хозяина.

Мелочные же табачники, стремясь получить побольше выгоды, фабриковали состав, включавший солидные порции местного бессарабского табаку. Гаванские же сигары изготовлялись вовсе не только на Малой Арнаутской, но и в Европе — прежде всего, в Германии, в Гамбурге и Бремене. При этом для завертывания использовались хорошие табачные листья, произрастающие на острове Сан-Доминго, а уж вовнутрь досыпался североамериканский табак поплотнее. Такие фальсификаты широко реализовывались под самыми громкими марками — Regalia, Imperial, Trabucos, Panetalis и проч., причем в настоящих гаванских ящиках. Все это сильно вредило престижу местной торговли и промышленности. Мало того, в середине 1860-х принялись фальсифицировать и лучшую курительную бумагу торгового дома "Абади" в Париже. Широко фальсифицировались также мундштуки из подделочных камней.

Во второй половине 1860-х в дело солидной табачной коммерции входят еврейские предприниматели, прежде промышленявшие лишь мелочным торговом, а затем и армянские коммерсанты. Открываются относительно крупные табачные фабрики Штаермана, Левенштейна и др. Евреи начинают не только продавать, но и весьма успешно культивировать табак. Так, на выставке виноделов и табаководства 1870 года золотой медали за бессарабский табак удостоен некто Розенбаум, большой серебряной медали за табак Подольской губернии — некто Ромштейн, малой серебряной за бессарабский табак — некто Зильбер и т. д. В том же году "одесский житель Хайм Грубман изобрел машину, которая выделяет 120 штук папирос в минуту". В это время, как свидетельствует "Одесский вестник", "в городе раскуривается в год около 25 тысяч пудов табаку, до миллиона сигар и около семи миллионов папирос".

Говорят, что новое — это хорошо забытое старое. И с этим заявлением бывает трудно не согласиться, когда знакомимся, например, с рекламными трюками табачной торговли в стиле ретро. Так называемые "вкладыши" — в жевательную резинку, сигареты, печенье, галеты, конфеты, — на самом деле, очень давнее изобретение. Так, еще в XIX веке хорошо известны "табачные карты", то есть маленькие разрезные карточные колоды, те же "вкладыши", которые мог собрать курильщик, приобретая папиросные коробки определенной марки. Впоследствии в различные изделия вкладывались, скажем, переводные картинки и тому подобные приятные мелочи. Дошло до того, что некоторые табачные фабриканты стали вкладывать в папиросные коробки "листки с мелкими литературными произведениями: стишки, анекдоты, пословицы, афоризмы, карикатуры". Власть боролась с этим нововведением, ибо все печатные произведения подлежали предварительной цензуре. Фабриканты, естественно, протестовали.

Зато упоминавшийся табачный фабрикант, почетный гражданин Леонид Крiona Папа Никола, изготовлял именные папиросы — с оттиснутыми на них фамилиями заказчиков. Цензура, вроде бы, не придиралась к оным "табачным прокламациям". "Такие папиросы с именами, вытисненными золотыми буквами, — комментирует репортер местной газеты, — могли бы с успехом заменить визитные карточки: оставив вместо нее папироску с хорошим табаком, гость оставляет хорошую память, которую хозяин квартиры может выкурить. Это нововведение понравилось многим и, как слышно, на фабрику начинают поступать заказы папирос с фамилиями. Отныне каждый может курить свою собственную именную папиросу и узнать — не курит ли и кто-нибудь другой его добра?"

Забавную историю по тому же поводу я вычитал в изумительном романе Владимира Жаботинского "Пятеро". Герой книги Марко всю дорогу впадал в разного рода разорительные проекты. Однажды некто сообщил ему, что, будто бы, одесская табачная фабрика Месаксуды обязалась оплатить месячное курортное пребывание в Ялте тому, кто соберет сколько-то тысяч ее фирменных папиросных картонок. Марко ударился в сборы, каковым отдал уйму энергии. "Но когда он собственноручно упаковал пудовый тюк, лично отнес на почту и отправил в контору Месаксуды, оттуда ему написали возмущенно, что ничего подобного — где он это вычитал?" В том же романе есть и другой смешотворный эпизод: "...У студента на крышке портсигара внутри, так что не мог не прочесть каждый, кому бы он предложил папиросу, оказалась известная надпись серебряной славянской вязью: "Кури, сукин сын, свои!"

История табачного промысла отменно проецируется на историю города в целом, со всеми ее привлекательными и неприятными сторонами. Как много говорено об одесской толерантности, веротерпимости... Реально же слухи эти несколько преувеличены, иначе трудно будет объяснить, как в этакое космополитическое эдемо было больше жестоких погромов, нежели в местах куда менее благополучных в ракурсе межэтнических отношений. Как известно, конкуренция греческих и еврейских хлеботорговцев привела к очень печальным последствиям. Не осталось без последствий и соперничество оных же табачных производителей. Иногда конфликты подобного рода принимали самые безобразные формы. Например, подначивание взрослых детворы, работавшей на табачных фабриках и в мукомольнях, приводило к кровопролитным баталиям, заканчивавшихся порой тяжким увечьем, а то и смертью ребенка. Вот типологическая сценка середины 1870-х: "В Красном переулке в последнее время чуть ни ежедневно в обеденный час происходят кулачные бои между еврейскими и русскими мальчишками, которые работают на табачных фабриках в этом переулке. Ввиду того, что разгорячившиеся бойцы зачастую прибегают для защиты себя и к посторонним предметам, как то камням, кускам дерева и др., не мешало бы полиции разгонять эту толпу, так как при этом могут пострадать ни в чем не повинные прохожие".

В это как раз время, осложненное общим кризисом в торговле, начали закрываться многие старейшие табачные производства Одессы. Закрывалась, например, просуществовавшая 30 лет фабрика Жубура. Новый кризис первой половины 1880-х повлек за собой закрытие одновременно пяти фабрик, в том числе и славного производства Крiona Папа Никола. Кому-то из предпринимателей везло больше, а возможно, он проявлял большую расторопность. Скажем, одесит Зафирий Пандаки получил серебряную медаль первой степени за приготовление табаку и папирос на "Олимпийской выставке" в Афинах. В это время в городе функционировало порядка 15-ти та-

бачных фабрик, число которых позднее несколько сократилось. Кроме того, естественно, регулярно осуществлялась и тайная фабрикация табаку. Замечательно, что одно из таких тайных производств находилось именно на Малой Арнаутской. К слову, ведь и знаменитая фабрика Поповых с некоторых пор помещалась на той же легендарной улице. Одесские мазурики и проститутки издавна имели в своем арсенале и папироски с дурманом: обкуренные горожане становились легкой добычей. Курьез: однажды большая партия контрабандного табаку и сигар пришла из Франции, остроумно упрятанной в детских лошадках-качалках.

Теперь — о лучших производителях табаку и курительной бумаги. В числе первых, конечно, упоминавшийся уже первой гильдии купец Артем Попов. Его фабрика издавна дислоцировалась на Успенской, № 52. Однажды мне повезло обнаружить в прессе упоминание о необычном пожертвовании, сделанном этим фабрикантом накануне русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Дело в том, что российский ополченец-доброволец сражался в Сербии еще задолго до официального объявления войны. Многие из раненых воинов проходили лечение в Одессе. И вот тогда было устроено народное гулянье в их пользу, в ходе которого Попов и раздавал бесплатно лучшие сорта своих папирос. Он много экспериментировал, подбирая и тасуя "сортовые букеты". В 1880-х ему удалось скалькулировать составы, имитирующие тот или иной знаковый потребительский вкус. Так, большой резонанс произвели изобретенные им папиросы "Молочные", в точности воспроизводящие вкус парного молока. А стоили они всего по копейке за штуку. Это событие квалифицировали как подлинное открытие в области фабрикации пищевых продуктов.

И чтоб долгие не тянуть резину, скажу, что венец табачного производства Одессы всех времен, папиросы "Salve", также изобретение семейства Поповых. Сейчас, когда я пишу эти строки, передо мной, на виду, элегантно зеленоватая корбочка этих легендарных папиросок с синими "обшлагами". На лицевой стороне надпись: "SALVE, мундштук с фильтрующим патроном, привилегия 1910 г. № 1295, наследники А.М. Попова" и рисунок папиросы в разрезе. На изнанке корбочки: "САЛЬВЕ. 10 штук — 6 копеек. № 80. На основании статьи 940 Устава об акционерном обществе эти изделия запрещается продавать дороже выставленной на помещении цены. Табачная фабрика наследников А.М. Попова в Одессе. Вес табаку в 1000 штуках 1 фунт 36 золотников".

Папиросы эти обосновано считались одними из лучших в империи. Да что там говорить, "Сальве" курили комильфотные парижанки из бомонда. В это время огромная фабрика наследников Попова, выстроенная по последнему слову техники с применением бетонных перекрытий, находилась на пересечении Малой Арнаутской и Пушкинской улиц. Даже в разгар "смутного времени" Поповы продолжали экспериментировать и разнообразить свой ассортимент. В "Одесском листке" от 2 октября 1919 года читаем: "Новый выпуск натуральных турецких табаков высшего качества Акционерного общества "Наследники А.М. Попова" — "Нил", "Гудал", "Арабик", "Турецкий" и др."

После гражданской войны бывшее производство Поповых продолжало успешно фабриковать привычные сорта руками старых мастеров и мастериц. В книге "Исхоженные детством" наш замечательный литературный краевед Ростислав Александров приводит такую вот остроумную рекламу в стиле ретро: "Слава уходит, как дым, деньги уходят, как дым, жизнь уходит, как дым, но ничто так не вечно, как дым папирос "SALVE". Впрочем, еще долго одесские "Сальве" пользовались отменной репутацией в масштабах СССР. Отец рассказывал мне, какой фурор они произвели перед войной в Краснодарском артиллерийском училище, курсантом которого он тогда был, когда сколько-то пачек ему прислали родители. В хрущевское время на месте разрушенной в войну фабрики возвели колоссальный "образцовый универмаг".

Помимо семейств Поповых и Криона Папа Никола хорошую память оставили по себе в одесском табачном производстве Асвадуровы, Алабугины, Бабадаглы, Куфуди, Месаксуди, Ламба — последняя фабрика существовала с 1834 года. Производство торгового дома "Сыновья Исаака Асвадурова", напротив, из молодых, основано в 1886 году. Но уже два года спустя изделия фирмы получили большие золотые медали в Брюсселе и Лондоне. В собраниях коллекционеров сохранились папиросные коробки с оригинальными марками: "Бриллианты", "Европейские", "Смирна", "Польские", "Грация", "Амброзия", "Дюшес", "Демон", "Ласточка", "Гадалька", "Букет", "Календарь", "Армения", "Турчанка", "Восторг", "Бельгийские", "Графские", "Сильва", "Пушки", и даже — держите, меломаны! — "На-на". Особо отличились местные производители курительной бумаги. Лучший французский образец "Абади", правда, непозволительно было превзойти. Реализацией этой бумаги в Одессе занимался небезызвестный предприниматель Фридрих Кроне, выстроивший изысканный офис на Почтовой улице, в квартале между Екатерининской и Ришельевской, по четной стороне. Тем не менее, на тот же высочайший уровень удалось подтянуть одесскому купцу Иосифу Львовичу Конельскому.

Производство папиросной бумаги и гильз основано им на улице Ришельевской, № 32, в 1885 году. В фондах Государственного архива Одесской области сохранились любопытные документы и материалы о И.Л. Конельском, в частности, фотография 1911 года, на которой он изображен сидящим в смешном допотопном автомобиле "Форд", причем даже не за рулем, ибо баранку тогда замещал некий рычаг. Особняк Конельского по улице Белинского, № 13, построенный в начале прошлого века, включен в реестр объектов культурного наследия. В 1910-е годы за фабрикантом папиросных гильз и курительной бумаги числятся и другая недвижимость, по адресам: Пантелеймоновская, № 3А, Итальянский бульвар, № 4А, Вагнеровский переулок, № 2, дача на отрогах Французского бульвара к морю. В эти годы И.Л. Конельский состоял членом одного из участковых раскладных присутствий, то есть институции, ведавшей раскладкой городских налогов, сотрудником Общества пособия бедным больным на одесских лиманах и Общества вспомоществования нуждающимся учащимся еврейского ремесленного училища "Труд".

В моей коллекции имеется уникальное терракотовое фирменное блюдечко Конельского с рельефом, изображающим некоего порядочного господничка, подкуривающего пахитоску от спички, любовно поднесенной бонтоной же дамой. Кроме того, у меня есть и обложка книжки курительной бумаги с привлекательной фирменной атрибутикой и портретом самого предпринимателя. Здесь же уточняется: "Этикет утверждён Департаментом торговли и мануфактур 3 мая 1896 года за № 21461". Желтая майсовая бумага Конельского заслужила множество высших наград на всероссийских и международных вернисажах. Кроме того, неплохой репутацией пользовалась еще местная фабрика папиросной бумаги "Микель Эль".

Подверстаем сюда весьма курьезный эпизод. В очерке "Путешествие в Одессу" (1929 г.) Илья Ильф иронически повествует об одесских памятниках: мол, до революции их было лишь четыре, а ныне — не менее трехсот. "В садах и скверах, на бульварах и уличных перекрестках, — пишет он, — возвышаются ныне мраморные девушки, медные львы, нимфы, пастухи, играющие на свирелях, урны и гранитные поросята (...). Львы и поросята перенесены в город из окрестных дач. Что же касается нимф и урн, то похоже на то, что они позаимствованы с кладбища. Как бы то ни было, вся эта садовая и кладбищенская скульптура очень забавно украсила Одессу".

Выясняется, однако, что предположение Ильфа вовсе не лишено оснований. Недавно заместитель директора Государственного архива Одесской области демонстрирова-

ла мне одно занятное дело как раз 1929 года, связанное с деятельностью городских коммунальных служб. Так вот, здесь есть сообщение о том, что надо обратиться к родственникам покойного фабриканта И.Л. Конельского с предложением отдать установленные на его могиле на втором еврейском кладбище двух мраморных львов "для украшения общественных садов"! Как это со знаком наоборот созвучно фрагменту фельетона братьев Тур, рассказавших о медной дверной табличке, как бы заменившей надгробие одному бедному присяжному поверенному: "Такой-то и такой-то, принимает в такие-то дни и часы".

И под занавес — обещанный сюжет о "Казбеке".

Жил в дореволюционной Одессе латышский мальчик Роберт Граббе. Матушка его была модисткой, а поэтому сынок нередко работал ножницами по выкройкам, и как-то само собой получилось, что стал делать силуэты. Еще любил юный Роберт певчих птичек, познакомился на этой почве с другим птицеловом — Эдиком Дзюбиным. Прошли годы, и уже в Москве художник Граббе иллюстрировал книжки Эдуарда Багрицкого и других известных литераторов. Что до "Казбека", эта знаменитая картина явилась позднее — в качестве халтуры для "Табактреста". Очевидно, в этой организации желали потрафить "великому кормчему" и заказали иллюстрацию на кавказский мотив. Отлично справившись с поручением, Граббе сделался подлинно народным художником — это производение действительно знала вся страна. Самое примечательное заключается в том, что казбековский всадник на самом деле родился несколько раньше и гарцевал еще на титульном листе сборника стихов Багрицкого "Юго-Запад".

И раз уж мы коснулись литературной проблематики и "Казбека", не могу не поделиться еще одним интересным наблюдением. "Сейчас в кармане у него (А.И. Корейко. — О. Г.) в плоской железной коробке из-под папирос "Казбек" лежало десять тысяч рублей бумажками, достоинством по двадцать пять червонцев каждая". О чем тут пишут Ильф и Петров? В 1923 году в СССР были выпущены ассигнации достоинством 10, 15 и 25 тысяч рублей, а в выпуске 1924-го наибольшие номиналы, так называемые червонцы, составляли 25 и 50 рублей. Речь же в данном случае идет о 1930-м. В интервале между 1924-м и 1930-м никаких бумажных денег Гознак не печатал, а обмен старых к тому времени давно закончился. Следовательно, "на кармане" у подпольного миллионера были эти самые 25-рублевые купюры образца 1924 года.

Теперь — вопрос, заданный мне когда-то одесским библиофилом В.М. Гульдасом, современником тех самых событий. Каким образом в плоской железной коробке могла уместиться столь значительная сумма? Оставалось проведсти, что называется, следственный эксперимент. И мы провели его вполне аутентично, поскольку располагали двумя такими стандартными металлическими папиросными коробками и соответствующими купюрами. Одна из коробок — от "Казбека", другая, что примечательно, "ОДЕССКОГО ЦЕРОБКООПА", даже с указанием адреса главного магазина — улица Лассалья, то есть Дерibasовская, № 21. Теперь на месте этого дома возвышается недавно построенный торговый центр "Европа". Да, так вот, означенная сумма ни за что не помещается в таких вот папиросницах. Выходит, мы еще не вполне внимательно читаем зачитанные до дыр и раздерганные на цитаты "Золотой тельенок" и "Двенадцать стульев". Что-то авторы явно имели в виду, предумышленно вкрапляя в текст заведомо ложный и совершенно очевидный для современников факт. Что именно? Что курение отнимает много денег? Что деньги следует хранить в "социалистических гострудберкассах"?

И дабы не быть обвиненным в пропаганде дурной привычки, вынужден заключить этот текст хрестоматийным: "МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ..."

Лада ПРОКОПОВИЧ АКВАРИУМ

Немецкий изобретатель Бруно Грубер запатентовал жевательную резинку для аквариумных рыбок. Пластичная масса содержит растительные ароматные вещества, например, из мяты, и успокаивает рыб.

Журнал "Наука и жизнь", № 6, 2005.

Тихо, спокойно, умиротворенно. Что может быть тише и умиротворенней аквариума? Все здесь располагает к философствованию, к размышлению над вечными вопросами бытия.

— Вот тут некоторые говорят — Бога нет, Бога нет! — задумчиво произнес старый обезьяний гуппи, подплывая к передней стенке аквариума. — А кто воду в аквариуме меняет? А кто жвачки от стрессов нам выдает?..

Конечно, он знает, кто меняет воду и выдает жвачки. Он — один из немногих, кто знает это достоверно. Но в последнее время его стали одолевать сомнения, а сомнения в его возрасте...

— Дедушка Кусто! Дедушка Кусто! — прервал его раздумья веселый гомон мальков. — А тетя Скалярия сказала, что когда-то вы сражались с млекопитающим! Это правда? Это правда?

— У вашей тети Скалярии пылкое воображение, — недовольно прошептал Кусто. — Все было совсем не так.

— А как? А как? Расскажите! Расскажите!

— Неужели вам интересно слушать рассказы этого старого маразматика? — вильнула хвостом проплывающая мимо вуалехвостка Няда.

— А что такое "раз-математика"? — спросил самый маленький малек по имени Посейдон.

— Гребла бы ты отсюда, — тактично обратился Кусто к Няде, оставляя детский вопрос без ответа.

Няда фыркнула и снова вильнула хвостом. Ну, на то она и вертикалка... ой, то есть вуалехвостка. Кусто вздохнул и сказал:

— Ладно, детки, так и быть, расскажу вам эту страшную историю.

Кусто отплыл от переднего стекла и направился к каменному гроту, который был любовно сделан и заботливо установлен (опять же, кем сделан? кем установлен?) в глубине аквариума. Мальки шумно поплыли за ним в предвкушении увлекательного рассказа. Расположившись на живописном, поросшем редкой тиной камне, Кусто откашлялся и начал:

— Было это давно. Очень давно. Жил я тогда в другом аквариуме — чуть поменьше и без такого гротика. Ходили слухи, что хозяином нашего аквариума был Студент, но в это мало кто верил. Да это было и неважно. Нам было тепло, светло, сытно, кислорода хватало. Но вот однажды появились новые слухи — у Студента, или как его там, появился некто Кот. Бог его знает, откуда бралась вся эта информация, но вскоре стало известно, что Кот — это млекопитающее отряда кошачьих. Хищник. Любит рыбу. В смысле — любит ее есть. Да... в это тоже почти никто не верил, но спустя некоторое время по ту сторону стекла замелькала огромная мохнатая голова с зелеными глазами, длинными усами и зубами, как у пираньи.

Мальки в ужасе сбились в стайку, плотно прижимаясь друг к другу. Казалось, что страх, порожденный словами Кусто, медленно распространяется по всему аквариуму, подчиняясь неумолимому закону диффузии. Даже улитки, эти безмозглые и бездушные существа, при слове "пираньи" попрыгали в свои мобильные домики.

— Прошло еще немного времени, — хрипло продолжал Кусто, — и мы узнали, что бывает, когда в воду погружается кошачья лапа. Когти на этой лапе были еще больше и острее, чем зубы. А взбаламученный песок и экскременты оседали только к вечеру. Но это было еще не самое страшное. Настоящий апокалипсис наступил тогда, когда этот Кот упал к нам в аквариум.

Кусто задумался, и в воде повисла напряженная тишина. Мальки уже так сильно уплотнились, что не могли шевелить плавниками. У некоторых начались симптомы депрессии. Кусто поправил свою шапочку (в по-

следнее время часто мерзнет голова) и продолжал:

— Конечно, этот сухопутный идиот легко отделился. Его тут же выловили друзья Студента, или как его там, вытерли махровым полотенцем, уложили спать. А наши... Никто не выдержал такого стресса... Ведь успокоительных жвачек тогда не было... Я один остался в живых.

Кусто болезненно поморщился и поплыл в грот, где у него была припрятана заветная фляжечка. Пара глотков из нее помогли справиться со стрессом лучше, чем жвачка. Но мальши не должны этого видеть. Рано им еще.

Когда Кусто выплыл из грота, из всех мальков остался только Посейдон.

— А ты чего ж не уплыл с остальными ребятами? — с наигранной бодростью спросил его старик.

— Я... я хотел... — начал было Посейдон, но осекся и сказал совсем не то, что собирался: — Я хотел пригласить вас на мамин торг.

— О! С удовольствием, — оживился Кусто. — Твоя мама единственная, кто во всем этом райском местечке умеет готовить торг из сухого корма.

И два полупрозрачных, с бледными хвостами (у одного из-за старости, у другого по молодости) гуппи поплыли через весь аквариум к дому Посейдона. Проплывая мимо двух сомиков, думающих, что они удачно замаскировались в донной части, Кусто традиционно их поприветствовал:

— А, морская пехота! Здравия желаю.

"Морпехи", недовольные тем, что их так легко демаскировали, нервно повели усами, буркнули что-то в ответ и принялись подстраиваться под другую складку местности.

Затем гуппи проплыли мимо красивой раковины рапаны, в перламутровом чреве которой целовалась какая-то влюбленная парочка, а когда проплывали сквозь заросли зеленых и красновато-лиловых водорослей, Посейдон спросил:

— Это правда, что эти водоросли — не настоящие?

— Правда, — кивнул Кусто. — Они искусственные. Из пластмассы.

— А как выглядят настоящие?

— Выглядят точно так же. Но на ощупь и на вкус — другие. Совсем другие.

Посейдон не стал уточнять, какие именно, поскольку он уже заметил свою маму, суеющуюся вокруг стола. ...В самый разгар застолья мама, распаленная чаем и похвалами в адрес ее кулинарного шедевра, подвинулась поближе к Кусто и доверительно ему зашептала:

— Вы как мудрый, опытный гуппи, — при слове "опытный" Кусто поперхнулся, но мама как ни в чем не бывало продолжала, — вы должны поговорить с моим шалопаем. Он отказывается принимать успокоительные жвачки.

— Даже мятные? — удивился гость.

— Ни мятные, ни банановые... никакие. Не знаю, как его уговаривать. Может, вы попытаетесь его убедить? — Постарайтесь. Непременно, — согласился Кусто, смутно, однако, представляя себе этот воспитательный процесс.

А после чаепития Посейдон повел гостя в мамин сад камней, о котором в аквариуме ходили легенды. Известно, откуда мама брала все эти сокровища, но в ее коллекции были разноцветные гладко отшлифованные стекляшки, нежно-голубые бусинки, галька серых и зеленоватых камней и даже один сердоликовый осколок. В тот момент, когда Кусто рассматривал этот самый осколок, включилась местная подсветка, и сад камней превратился в россыпи драгоценностей, мерцающих волшебными бликами. Вся эта красота так увлекла Кусто, что он оказался совершенно не готовым к вопросу Посейдона, который тот задал тихим, но вкрадчивым голосом:

— А это правда, что рыб используют в научных экспериментах?

Кусто, не готовый не только к вопросу, но и к такой его формулировке в устах ребенка, растерялся.

— Откуда ты это узнал?

— Значит, это правда?

— Откуда ты это узнал?

— Ну... вчера вечером я услышал разговор за стеклом. Один голос спрашивал: "Зачем ты даешь им эти жвачки? Какие стрессы они могут переживать в этом аквариуме?..."

— Никаких, — перебил малыша Кусто, — если не считать Няды. Дальше.

— А другой голос отвечал: "В этом, допустим, никаких. Но откуда я знаю, что им пришлось пережить в других?". Тогда первый голос рассмеялся и сказал: "Не смеши меня". А второй голос сказал: "Ты зря смеешься. А что, если над этими рыбами ставили научные эксперименты?". На что первый голос сказал: "Тогда им никакие жвачки не помогли бы".

Кусто схватился за голову:

— Боже мой! Боже мой! Как же можно такие разговоры вести при детях?!

— Я уже не ребенок! — обиделся Посейдон. — Я не икринка какая-нибудь! Я сразу родился рыбой!

"Ох уж эти индюшата!" — подумал Кусто, обычно не склонный к старческому брюзжанию, но в данном случае осознающий сложность общения с поколением "индиго". Ведь всю душу из тебя вытрясут, пока не получат того, чего хотят. Попробуй тут отделиться старой доброй сказкой!

Кусто вспомнил, как примерно неделю назад тоже кое-что услышал за этим стеклом. Хозяйка читала своему четырехлетнему сыну сказку про жучка, а потом сказала: "И ты у меня, совсем как этот жучок". А сын ей: "Я не жучок! Я людь!".

Вот и этот туда же: "Я рыба!".

— Ладно, — махнул плавником старик. — Видно, день сегодня такой. Придется рассказать тебе еще одну историю из моей жизни.

— Ух ты! — возликовал юный гуппи.

— Видишь ли, Посейдон, — с грустью выдохнул Кусто, — я однажды попал в такой эксперимент.

Старик на секунду умолк, прикидывая в уме уровень подготовки аудитории, но вспомнив формулировку детского вопроса, решил не ограничивать себя в научных терминах.

— В современной науке, — изрек он профессорским тоном, — есть методика, позволяющая определять токсическое действие воды с помощью биологических тест-объектов. На роль этих тест-объектов обычно берут нас.

При этом называют нас не просто гуппи, а по-научному длинно и вычурно — *Poecilia reticulata Peters*. Примазался тут, понимаешь, какой-то Петерс... А методика, в отличие от средневековых пыток, довольно проста. Берут два аквариума. В один наливают обыкновенную чистую воду, а в другой — ту, качество которой надо определить. Первый аквариум называют контрольным, а второй — опытным. А потом в каждый из них запускают по 100 гуппи. Когда рыбы начинаютдохнуть, ученые фиксируют время и факт смерти, а затем вычисляют процентное соотношение смертей в двух аквариумах. Правда, в том тестировании, в какое попал я, молодая Ученая, или как ее там, из самых гуманных соображений взяла по 100 особей, а только по 10, полагаю, что на чистоту эксперимента это не повлияет. Но это служило малым утешением. Ведь в опытный аквариум она налила сточные воды какого-то местного завода... И уже через 15 минут в этих водах все наши братья плавали вверх брюхом. Все! Все до единого! Тысяча чертей ей в селезенку!

— А вы остались живы, потому что оказались в контрольном аквариуме? — спросил Посейдон.

— Ты очень догадлив, сынок. Да. Второй раз в жизни мне крупно повезло.

Посейдону захотелось сказать что-то теплое и нежное этому старому гуппи с благородной сединой в плавниках, но он никак не мог совладать с собственным речевым аппаратом: слова путались, сбивались в клубок, и этот клубок застревал в горле, не желая распутываться тонкой задушевной речью.

— Так что, друг мой, никогда не стоит отказываться от успокоительной жвачки, — резюмировал Кусто, вспомнив обещание, данное им матери этого любознательного сорванца.

— Угу, — буркнул Посейдон, не в силах возражать своему старому другу.

Они попрощались, и Кусто поплыл в свой закуток. Наступала тихая, спокойная ночь. Что может быть спокойнее и умиротвореннее ночи, ночи в аквариуме?